

И. Е. Васильев, А. В. Камитова
**ТРАГЕДИЯ ПОЭТА: ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ
 И ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
 В ТВОРЧЕСТВЕ КУЗЕБАЯ ГЕРДА***

УДК 821.511.131

ББК 83.3(2Рос.Удм)6

Проблемы этнокультурной и персональной идентичности чрезвычайно значимы для развития и самоосуществления творческой личности. Их осмысление и самоидентификация связаны с комплексом условий и обстоятельств, окружающих поэта и обуславливающих его взаимодействие с обществом, стратегию его творческого поведения и результативность действий. Важную роль играет и творческая индивидуальность писателя, его интересы, склонности и предпочтения, особенности психологии. Изучая жизнь, общественную деятельность и творчество крупного удмуртского поэта и просветителя XX в. Кузебая Герда, репрессированного в 1937 г., авторы статьи приходят к выводу о том, что противоречивые условия общественно-исторического существования и деятельности, сложный характер этнокультурного самоопределения Кузебая Герда обернулись трагедией для его творчества и жизни. Противоречивые историко-политические события индуцировали кризисные процессы в мироощущении и поведении поэта. Трагизм в поэзии Кузебая Герда, обусловленный объективными культурно-историческими обстоятельствами, усугублялся личной драмой поэта, связанной с особенностями его индивидуального характера и национального психотипа.

Ключевые слова: *идентичность, этнокультурное самоопределение, финно-угорские сообщества, трагедия личности, репрессии*

В Удмуртии Кузебая Герда (1898–1937) сравнивают с Пушкиным и называют «солнцем удмуртской поэзии».¹ Значение его просветительской деятельности и литературного творчества для развития удмуртской культуры и науки, для подъема и развития национально-

го самосознания чрезвычайно велико. Драматизм судьбы поэта невозможно осмыслить вне анализа историко-культурного контекста времени, а также без учета своеобразия его личности, без обращения к системе его базовых ценностей и к идентификационным ресурсам. Человек включен в разные идентификационные ситуации и контексты, и поэтому формируется много идентичностей (этническая, национальная, гражданская, профессиональная, семейная и т. д.). «Идентичность — это такая конфигурация значимых представлений действующего о себе и других, которая опосредует инструментальный, групповой и индивидуальный уровни действия, удерживая определенность (тождественность) социальной личности в разнородном контексте противоречивых и альтернативных мотивов, интересов, интенций, желаний или социальных требований».² В случае Кузебая Герда доминантной видится этнокультурная идентичность, поскольку она наиболее тесным образом связана с деятельностными аспектами и с самим существом его жизни. Этнокультурная идентичность как вид коллективной идентичности фиксирует связь человека с этносом, национально-культурным сообществом, проявляет его эмоционально-ценностную

¹ «Почему поэт Кузебай Герд вошел в мифологию удмуртов? Несомненно, он был выдающимся человеком с европейским кругозором. Значение его личности для удмуртов, возможно, сравнимо со значением Пушкина для русских» (Ар-Серги В. А вы и не спрашивали... Мои засечки удмуртским топором // Луч. 2006. № 4. URL: <http://litluch.ru/avtoryi/ar-sergi-vyacheslav/a-vyi-i-ne-sprashivali/> (дата обращения: 18.04.2014)). См. также: Пузанова Н. Ижевск на фоне памятника Герду // Удмуртская правда. 2005. 8 нояб.

Васильев Игорь Евгеньевич — д.филол.н., в.н.с. сектора истории литературы Института истории и археологии УрО РАН, профессор Уральского федерального университета (г. Екатеринбург)
 E-mail: bazilio@k66.ru

Камитова Алевтина Васильевна — к.филол.н., н.с. отдела филологических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (г. Ижевск)
 E-mail: akamitova@mail.ru

* Статья выполнена в рамках интеграционного проекта УрО РАН «Литературные стратегии и индивидуально-художественные практики пермских литератур в общероссийском социокультурном контексте XIX — первой трети XX в.»

² Гудков Л. Негативная идентичность: ст. 1997–2002 гг. М., 2004. С. 271.

привязанность к своей земле, к языку, обычаям и традициям родного народа. В задачи авторов статьи входит освещение круга вопросов, связанных с характеристикой основных идентификационных параметров творческой личности Кузубая Герда, а также изучение истоков его трагедии, обусловленной индивидуальными и общественными факторами.

Деятельность поэта пришлась на время кардинальных перемен и крупных социально-экономических преобразований в стране. Победив в октябре 1917 г., большевики приступили к реализации долговременной программы модернизации всех сторон жизни общества. Удмуртские литераторы в большинстве своем не могли не воспользоваться открывающимися перспективами и остаться в стороне от национально-культурного строительства. Его осуществление протекало в контексте целей и задач свершившейся революции, которая способствовала росту национально-исторического самосознания удмуртов. «Я простой рядовой гражданин, / Человек, Октябрем пробужденный», — написал в свое время Тимофей Шмаков («Слово гражданина»), и эти слова мог бы повторить не один удмуртский поэт. Именно так, как средство обновления жизни и освобождения человека от всякой зависимости, воспринял революцию и Кузубай Герд: «Горд Октябрь монэ лүтүиз» 'Красный Октябрь меня поднял'.³ Поэт одним из первых отреагировал на происходящие в стране и на его малой родине перемены. Он восторженно воспевал преобразовательные возможности революции: «Ты — пожар, / Зло и тьму, / Жизнь-тюрьму / Сжигающий пожар! / Ты как меч. / Врагов труда / Навсегда / бьющий в сердце меч! / Ты — набат. / Всех рабов / И удмуртов / Зовущий в бой набат! / Солнце ты! / Новый мир, / Свет и ширь / Строишь, солнце, ты! / Ты — гигант, / Цепи рвешь, / жизнь куешь, / Тюрьмы рушишь ты!».⁴ Призывом к незамедлительному действию звучали его строки, обращенные к соратникам: «Встаньте, верные друзья, / Чтоб навечно не заснуть. / Людям, призываю я, / Укажите светлый путь».⁵ Усиление общественно-политической активности масс выражалось в поэзии Герда

посредством мотивов пробуждения, выхода из состояния покоя и неподвижности.

В любви к родной земле и своему народу («Я — удмурт», «Удмуртский гимн») отчетливо проявлялось активизирующееся национальное самосознание К. Герда, которого всегда волновала этническая составляющая удмуртской культуры. Это многое определило в его творческом поведении, в литературной и культуртрегерской деятельности. Будучи участником различных общественных форумов и объединений (от учительских и писательских конференций до съездов Советов народного образования), членом многих обществ и комитетов (член правления Уездного учительского союза, заведующий Вотского отдела при Уездном отделе народного образования, член Малмыжского исторического общества, один из организаторов Вотского культурно-просветительского общества в Малмыжском уезде, заведующий издательским отделом Вотского комиссариата при Наркомнаце РСФСР и др.), Герд инициировал либо организовал и провел множество культурно-просветительских мероприятий, нацеленных на развитие национальной культуры (дни народного творчества, вотские педагогические курсы), создал драматические кружки и клубы самодеятельного творчества. Выступая с многочисленными статьями и заметками в местной прессе, Герд отстаивал необходимость создания национального музея, музыкальной школы, удмуртского университета, писал о нехватке национальных работников культуры и образования. Много сил и энергии он отдал сбору и изучению удмуртского фольклора, занятиям этнографией, историей и краеведением.

Просветительская программа К. Герда была немыслима без активнейшей опоры не только на национальную культуру, но и на родной язык. Писатель настаивал на том, что все области жизнедеятельности удмуртского общества должны охватываться родным языком, что «необходимо ввести удмуртский язык в школу, на курсы, в учреждения», поскольку народ жив, пока жив его язык. «Народ может создать себе новую родину, но новый язык — никогда; вымер язык в устах народа — вымер и народ», — утверждал поэт в статье «Удмуртский язык — орудие просвещения удмуртов».⁶ Особенно важно, по мнению Герда, развести по времени освоение своего

³ Герд К. Сяськаяськись муз'ем. = Цветущая земля: стихи. Кн. 3. Казань, 1927. С. 5. Текст удм.

⁴ Он же. О ней я песнь пою...: стихи и поэмы, ст. и науч. работы, письма. Ижевск, 1997. С. 27.

⁵ Он же. «В полете к солнцу...»: Стихи и поэмы: пер. с удм. / сост. и авт. предисл. З. Богомолова. Ижевск, 1989. С. 31.

⁶ Он же. Удмуртский язык — орудие просвещения удмуртов URL: http://shklyayev.ru/public/gerd_udmurtkyl.htm (дата обращения: 18.04.2014).

и чужого языка детьми. Если ребенок вначале учится неродному языку, а к изучению своего языка приступает после, то он «навсегда останется чужд своему народу, никогда не поймет народа и не будет понят им, не прибавит ни одной ноты к народному наследию». Если ребенок совместит изучение языков, то «это еще хуже», поскольку «при подобном смешивании языков великий наставник человечества — слово — не окажет почти никакого влияния на развитие дитяти, а без помощи этого великого педагога никакие другие педагоги ничего не сделают». Русский язык (а именно он в данном случае выступает в качестве чужого) оказывался обременительным еще и в силу своей сложности, потому что, продолжает Герд, «сам процесс изучения русского языка для удмуртских детей представляет почти непреодолимые препятствия». В ходе таких рассуждений Герд приходил к неутешительным выводам: «Продолжая и сейчас воспитывать детей на русском языке, мы этим самым продолжаем преступное дело психического убийства и вытравливания всего так называемого “удмуртского” из ребенка».⁷

Снова и снова обращаясь к вопросам национального своеобразия удмуртов, К. Герд настойчиво транслировал обществу мысль об их угнетенном положении в прошлом и об остатках «русского шовинизма» в современности: «Еще до сих пор об удмуртах думают как о народе, предназначенном для вырождения, для русификации, основываясь на том, что никакой удмуртской культуры нет и быть не может».⁸

Для утверждения должного статуса удмуртского этноса необходимо было найти веские основания. Показателем значимости нации

становилось ее культурное наследие: фольклор с его легендами, преданиями, возвышающими прошлое народа; язык, рожденный в процессе естественного развития; история удмуртского народа и склад его души; своеобразие хозяйствования, обычаев и верований.⁹ Представлялось, что этот символический капитал свидетельствует о высоком потенциале народа и оправдывает его претензии на собственный путь национально-исторического развития.

Эти и подобные мысли, отстаивающие приоритет особенного (этнокультурного) над общим (цивилизационным), явно противоречили сталинской формуле многонациональной советской культуры — «национальная по форме, социалистическая по содержанию». Определяющая роль содержания в единстве целого вытекала из положений марксистско-гегелевской философии развития и становления. Культ национального ущемлял не столько национально-русское (русский язык оставался языком межнационального общения), сколько интернационально-пролетарское. Столкнувшись с тем, что в сознании большевиков и руководящих работников классовое перевешивает национальное, К. Герд еще в 1920 г. на Всероссийской конференции коммунистов-удмуртов, отказавшейся от создания Вотской автономной республики, разуверился в действиях властей и в знак протеста даже вышел из комсомола.¹⁰ И хотя в дальнейшем он продолжал сотрудничество с большевиками, переводил на удмуртский язык революционные песни и марши, агитационную литературу, политические брошюры и создавал злободневные стихи, его расхождение с коммунистическим окружением усиливались. Все чаще он наталкивался на непонимание и обвинения в национализме. В 1925 г.

⁷ Там же.

⁸ Герд К. Удмуртское народное творчество URL: http://shklyayev.ru/public/gerd_udmurtart.htm (дата обращения: 18.04.2014). Весьма убедительно выглядит версия о victimности и акцентуации трагизма национальной истории как о доминантных началах этнической идентичности удмуртов, высказанная в статье А. Шкляева и Е. Тулуз «Средства массовой информации и национальный вопрос в Удмуртии в 1990-е годы» (Shklyayev A., Toulouze E. The Mass Media and the National Question in Udmurtia in the 1990 s // Nationalities Papers. 2001. Vol. 29, № 1). Развивая ее, Н. М. Ефимищ отмечает: «...среди удмуртской интеллигенции распространено представление о себе как о вечной жертве, а национальное движение воспринимается как форма самозащиты от этнической дискриминации и колонизации, которые длились десятилетиями. Многие удмуртские интеллигенты... видят себя жертвами антиудмуртской кампании...» (Ефимищ Н. М. Две модели идентичности пермских народов на территории России в контексте политических процессов (в конце XIX — начале XXI столетия) // Финно-угорский мир. 2013. № 1. С. 111).

⁹ В письме к В. Я. Брюсову в начале 1920-х гг. К. Герд, называя вотяков «народом финского племени, обитающим в Приуралье», поэтически проникновенно пишет об их творчестве: «Оригинальным народом по своей психологии и особенностям являются вотяки: у них масса песен, легенд, преданий. И если бы только нашелся чуткий русский поэт, то какие роскошные, доселе невиданные образцы вотячской поэзии он мог бы дать русской литературе... Наша поэзия — это шепот необъятных лесов, журчание лесных рек, радужные переливы северных утрюмых, но красивых полей и просек» (цит. по: Ермаков Ф. Творческие связи удмуртской литературы. Ижевск, 1981. С. 85).

¹⁰ Позже он с горечью признавался: «В июне 1920 года на конференции коммунистов-удмуртов я испытал первое серьезное разочарование в своей надежде — революции, призванной возродить удмуртов» (цит. по: Кузнецов Н. С. Из мрака... Ижевск, 1994. С. 21).

его не приняли в партию. Из-за сложных отношений с руководством Вотской автономной области, требовавшим от него либо возвратиться в Ижевск, либо вернуть потраченные на учебу в Москве деньги, он вынужден был перевестись с очного обучения в заочную аспирантуру Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока СССР. Дважды, в 1929 и 1931 гг., его лишали возможности преподавания в вузе. Поэтическое творчество Герда с середины 1920-х гг. также подвергалось критике.

Герд искал альтернативные существующим установкам и представлениям варианты объяснения причин этногенеза и все больше погружался в этническую проблематику. Его интересовали корни этнической идентичности удмуртов, связь с финно-угорским миром. Лингвоэтническая близость с народами благополучных европейских государств усиливала возможности удмуртов и выступала гарантом выстраивания их собственной национальной идентичности. Осенью 1922 г. по инициативе Герда было создано общество по изучению удмуртской культуры «Бöляк» с центром в Москве и филиалами в Ленинграде, Ижевске, Глазове, Вятке, Казани. Быт, семья, верования, экономика, культура, народное творчество — все это становилось предметом научного осмысления в работе секций, на общих собраниях, где заслушивались и обсуждались доклады и сообщения, которые в итоге вошли в состав сборника научных трудов «Вотяки» (1926), вышедшего под редакцией К. Герда и коми профессора В. П. Налимова. Членов общества вдохновляли работы прибалтийских и финских ученых, с которыми они намеревались установить контакт. Связь по линии финно-угорского родства с Венгрией, Эстонией, Финляндией, казалось, была способна обеспечить легитимацию многим начинаниям по отстаиванию национальных приоритетов. Герд дважды, правда безрезультатно, писал известному финскому ученому Ю. Вихманну, пытался связаться с Международным финно-угорским обществом (Suomalais-ugrilainen Seura) и отправлял в Финляндию через посольство в Москве удмуртскую научную и художественную литературу. Неоднократное посещение финского посольства возымело действие, и посол Хаксель пригласил Герда посетить Финляндию. Разрешения на выезд Герд не получил, а вот почву для обвинений в антисоветизме, как оказалось, подготовил.

Герд отчаянно сопротивлялся разрастающимся общественным поношениям. В письме председателю Вотского облисполкома И. А. Наговицыну он сокрушался: «Я борюсь за революцию в вотской литературе, за новую вотскую культуру быт, создавая специальные общества вотской культуры, а Вотская партия РКП(б) находит эту работу вредной политически...»¹¹ Он обращался с жалобами во властные инстанции (в июле 1928 г. — к прокурору Вотской автономной области, в декабре 1929 г. — в Вотскую областную рабоче-крестьянскую инспекцию), пытался публично выступать с покаянными речами, делал саморазоблачительные заявления и признавался партийным органам в собственных «литературно-политических» ошибках. Все было тщетно. Нависшая над Гердом опасность неуклонно приближала трагический финал. Фатальную роль в гибели Герда сыграл как раз финно-угорский фактор. Усилившаяся борьба с «буржуазным национализмом» не оставляла шансов для тех, кто ратовал за самобытность этнокультурного развития.¹² Посыпались обвинения в национальной ограниченности, в игнорировании классового подхода. Стали закрываться общественные организации, связанные с изучением и развитием финно-угорских народностей. В 1928 г. было закрыто общество «Бöляк». Затем в Марийской автономной области сфабриковали «дело федералистов», которых обвинили не только в пропаганде национализма, «контрреволюционной агитации», но и в попытках создания Финно-угорской федерации под протекторатом буржуазной Финляндии. А в следующем 1932 г. разразилось дело «Софин» («Союз освобождения финских народностей»). Главным обвиняемым по этому делу оказался К. Герд. Ему вменялось руководство контрреволюционной националистической организацией, выполняющей задания финских и эстонских интервенционистских кругов, намеревавшихся путем вооруженного восстания отторгнуть от СССР Удмуртскую автономную область, а также другие автономии (Марийскую, Мордовскую,

¹¹ Форумы города Ижевск «Найдем вам Ижевск»: Известные люди из Ижевска и Удмуртии: Кузубай Герд. URL: <http://paydem-vam.ru/viewtopic.php?id=1484> (дата обращения: 18.04.2014).

¹² Характерно признание К. Герда, выдающее виктимизированный характер его самоощущений: «Меня погубила моя собака привязанность к удмуртскому народу» (цит. по: Как молния в ночь... К. Герд. Жизнь. Творчество. Эпоха / сост. и лит. обработка З. А. Богомоловой. Ижевск, 1998. С. 32).

Карельскую, Коми-Зырянскую) для создания Единой финно-угорской федерации с демократической формой правления. Следствие добилось от Герда признания вины, и 1 ноября 1937 г. он был расстрелян.

Поэт как будто предчувствовал, что судьба отпустит ему столь грозные испытания и такой короткий жизненный путь, и часто испытывал сомнения, чувства утраты и тоски. Анализ его стихотворений обнаруживает приметы слома сознания личности, настойчиво воспроизводимые поэтом. Уже в раннем творчестве К. Герда, наряду с оптимистическими нотами, звучат минорные мотивы — одиночества, тревоги, непонимания окружающих: «*Кõt куректэ, / Сюлэм сэрегтэ*» 'На душе тревожно, / На сердце беспокойно';¹³ «*Кошкысал мон татысь, кытчы ке но отчы кошкысал, / Кошкысал но, уг тодкы кытчы кошкыны*» (с. 23) 'Ушел бы я отсюда, куда-нибудь туда ушёл, / Ушёл бы, но не знаю куда идти'. Лирический герой испытывает эмоциональный срыв: «*Огнам ветлй телетй, / Огнам кырзай возь вылтй, / Бёрдса ветлй бусыетй <...> / Бёрдса, синьмы гордэктйз, / Тытак квареа быриз...*» (с. 47) 'Один ходил по лесу, / Один пел по лугам, / Рыдая, ходил по полям <...> / От слез глаза покраснели, / Совсем остался без голоса'....

Трагизм мироощущения Герда выразился в противостоянии лирического субъекта социальным коллизиям времени. «*Чылкак огнам тыршыса, / Удмурт'ёсыз сайкатса — / Жади уни мон!*» (с. 107) 'Совершенно один, стараясь / Удмуртов разбудить, — / Устал уже я!' — заявляет герой от безысходности. Кульминационным проявлением позиции лирического героя становится мотив самопожертвования: «*Чок! Мед куло эсьмаса / Удмурт'ёслэсь иземзэс адзъитозь! / Мон жади уни весь соосыз сайкатса*» (с. 108) 'Пусть! Пусть лучше умру, / Чем видеть, как спят удмурты! / Я устал уже постоянно их будить'. Смерть осознается героем как спасение от полного безразличия окружающих, от их равнодушия, от одиночества и отчаяния. Переживаемые лирическим субъектом эмоции перерастают в крик, в песню («*Чылкак огнам кырзасько, / Огнам мон кесяськисько*» (с. 120) 'Совершенно один пою, / Один я кричу'), переходят в

глубокое раздумье («*Огнам пукко / Малпаськисько*» (с. 93) 'Один сижу / Думаю/размышляю') или оборачиваются плачем («*Шымырском сюлмам / Пось синькылие гынэ / Тулкым'яськыса, люкаське...*» (с. 58) 'В моем сжавшемся сердце / Только горячая слеза, / Волнуясь, накапливается...').

Лирический герой Кузубая Герда не скрывает противоречивости испытываемых чувств, колебания настроений: «*Уг поты мынам калыклы ужатэк <...> / Вазь пересьмеме!*» (с. 43) 'Не хочется мне, не работая для людей <...> / Рано постареть.'; «*Шая бёрдод, курек-тод<...> / Шая весь сюлмаськылод*» (с. 57) 'К чему напрасно плакать, печалиться<...> / К чему напрасно волноваться'. Объяснить причину такой амбивалентности эмоций можно характером самого поэта. «Я человек неуравновешенный, экспансивный, порывистый...» — определял свой нрав Кузубай Герд.¹⁴

Атмосфера тревог, надежд и предчувствия драматических событий ощущается и в стихах с революционной проблематикой. В ситуации ожидаемых перемен лирический герой предвещает: «*Туж / Шурдыт, кышкыт / Чюказе чюкна луылоз — / Вир кичкыса, муз'ем гордэктоз*» 'Очень / Страшно, опасно / Завтра утром будет — / От пролитой крови земля станет красной'. Революция, положившая начало новой эпохе, сформировала в лирическом герое смешанные чувства, свидетельствующие о кризисе этнокультурной и персональной идентичности поэта: «*Та дыбыртйсь заводэ / Мон пырысько <...> / Мынам удмурт сюлэмы / Туж дырекъя, / Кышкаса, огназ гадьын / Куалекъя. / Татчы пырыса быро / Кадь мон потко*» (с. 179) 'В этот грохочущий завод / Я вхожу <...> / Мое сердце удмурта / Очень дрожит, / Боясь, в груди / Дрожит. / Войдя сюда, погибну, / Мне кажется'.

Трагическая тональность гердовских стихотворений усугубляется размышлениями о смерти лирического героя, интуитивно чувствующего близость рокового исхода: «*Туж пинальсен, иньмысь усем кизили сеен, / Мон кулй ке <...> / Соку монэ бадзъм городэ эн ватэ <...> / Ой, ватэ монэ туж йсужытэсь вырйылёсы...*» (с. 110, 111) 'Если я умру / Совсем юным, как упавшая звезда<...> / Тогда меня не хороните в большом городе <...> / Похороните меня на высоких холмах...'. За горьким осознанием проходящей молодости, необратимости време-

¹³ Герд К. Крезьчи («Гусляр»: сб. стихотворений на вотяцком яз.). 1-тй кн. Ижевск, 1922. С. 7. Здесь и далее русский перевод А. В. Камитовой. Ссылки на это издание далее приводятся в тексте с указанием номера страницы в круглых скобках.

¹⁴ Цит. по: Кузнецов Н. С. Указ. соч. С. 12.

ни («Кытчы луиз, кытчы кошкыз / Шулдыр пинал дауры <...> / Пересмонлэсь лыктэм-зэ мон / Чик эй тоды, эй шеды») 'Куда подевались, куда ушли / Веселые молодые годы мои<...> / Приближение старости я / Совсем не понял, не почувствовал') в душе лирического героя возникает страх смерти («Йе кадь, кезьыт киосыныз / Монэ юн со зыгыртүиз, / Кышкано кадь, синёсыныз / Сюзэмме со кышкатүиз» (с. 91) 'Ледяными, своими холодными руками / Меня она крепко обняла, / Жуткими глазами / Она напугала мою душу').

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. «критический бум» вокруг поэта усилился. С его именем авторы ряда статей стали связывать «контрреволюционное, буржуазно-националистическое начало в литературе».¹⁵ Возможно, подобную реакцию со стороны критики вызвало метафорически выраженное в стихах того времени понимание происходящих политических процессов, а также настойчивый акцент на национальных интересах удмуртов. В результате этих резких критических высказываний в адрес К. Герда была отложена публикация второго сборника его стихов «Лёгет'ёс» ('Ступени') и вместо него издана третья книга «Сясыкаяськись муз'ем» ('Цветущая земля'). Позднее в следственных показаниях Кузубай Герд будет анализировать свое творчество конца 1920-х гг. следующим образом: «От всех стихов 1923–1930 гг., которые казались мне упадническими, националистическими, я избавился — сжег их. Все, что я пишу — это значит (по словам критики) контрреволюция, маневр, буржуазный национализм и т. д. А почему это же самое не может быть результатом перелома автора? Перелом есть. Сборник "Лёгет'ёс" как раз показывает этот перелом. Но так никто ни разу вопрос не ставил».¹⁶ Заметно, что трагическая тональность стихов последнего периода творчества К. Герда оттенена мировоззренческим бунтом и обличением угроз мира. В стихах высвечивается пророческий дар поэта. Будущее, связанное с революционными событиями, предстает в поэзии К. Герда в динамичном восприятии, передающем напряженный эмоциональный накал и трагизм предстоящего:

Капчи	Не
ёвёл	легка
Азылань	Впереди
сюрес	дорога
Куддыр	Иногда
со туж	она очень
секыт:	трудна:
Луоз дыр	Будет, наверно,
куазь	погода
Тылэсь,	Огненная,
Виресь,	Кровавая,
Тёлпериесь,	Вьюжная,
Йёась,	С градом,
Зоресь	Дождливая,
	я
	га
	ша
	Вперёд ¹⁸

Писатель находился в состоянии отчаяния, близком к депрессии. Это свидетельствовало о разрыве связи с миром, о том, что нарушены адаптационные механизмы, обеспечивающие душевную гармонию. Смутные, пограничные переживания транслировались в мир художественной реальности.

Нетрудно заметить, что третий сборник Кузубая Герда разительно отличается от предыдущих изданий по образности, интонации, проблематике. Это можно объяснить тем, что споры вокруг его творчества все более разгорались, и, вероятно, поэтому автору нужно было отобрать для сборника те стихи, которые бы не вызвали раздражение со стороны власти. Эти факторы оказывали деструктивное влияние на психику поэта. «Трагедия разлада с самим собой у поэта началась еще в 1926 году»,¹⁹ — замечает Н. Кузнецов. С этого времени настроение апатии и тоски становится спутником его жизни, а само творчество Герд связывает с преодолением меланхолии, с попытками вернуть ощущение полноты бытия посредством активизации творческой деятельности и эскалации борьбы за утверждение родных ему удмуртских начал жизни. По-видимому, самореализация такого рода выступала скорее формой самозащиты: обращение к поэтическому творчеству несколько компенсирует болезненное состояние К. Герда, но душевная дисгармония, жизненный дисбаланс все-таки проявляются в эмоциональном фоне его стихотворений.

¹⁵ См., напр.: «Гердовциналэн» ымнырзэ шобыртуса вадельсы тупатскемезлы пумит: «Лёгет'ёс» книга сярысь / Я. Ильин, В. Данилов, С. Жуйков [и др.] // Удмурт коммуна. 1932. 8 янв.; Тимашев М. ВУАРПлэн аязз сылысь кёна ке уж'ёсыз: Тэкшерон // Кенеш. 1929. № 6 (24). 28–32-тй б.

¹⁶ Цит. по: Кузнецов Н. С. Указ. соч. С. 15, 16.

¹⁷ Герд К. Лёгет'ёс. 1922–1930: кыктэтї кылбуркнига = Ступени. 1922–1930. Ижкар, 1931. С. 168, 169. Текст удм.

¹⁸ Используемая Кузубаем Гердом графическая «лесенка» требует правильного прочтения данного стихотворения, а именно — прочтения последней строки снизу вверх.

¹⁹ Кузнецов Н. С. Указ. соч. С. 14.

В тяжелые периоды жизни он корит себя за отступление от правил «родовой» жизни: «Самолюбие, эгоизм, желание не быть обычным смертным, идти впереди других — это было ведущим началом во всей моей жизни до сих пор».²⁰ И далее уже не в первый раз признается в суицидальных устремлениях: «Критика и нападки приводили меня в состояние возбуждения и к страшным упадническим настроениям, вплоть до мыслей о самоубийстве.

Таким образом, противоречивые условия существования и деятельности, сложный характер этнокультурного самоопределения Кузубая Герда обернулись трагедией для его творчества и жизни. Трагизм в поэзии Кузубая Герда, обусловленный объективными культурно-историческими обстоятельствами, усугублялся личной драмой поэта, связанной с особенностями его индивидуального характера и национального психотипа.

Igor E. Vasiliev

Doctor of Philological Science, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: bazilio@k66.ru

Alevtina V. Kamitova

Candidate of Philological Science, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the RAS (Russia, Izhevsk)
E-mail: akamitova@mail.ru

TRAGEDY OF A POET: PROBLEMS OF ETHNO-CULTURAL AND PERSONAL IDENTITY IN THE WORKS BY KUZUBAI GERD

Problems of ethno-cultural and personal identity are extremely important for the development and self-realization of a creative individual. Their understanding and self-identification are related to a wide range of conditions and circumstances surrounding a poet and predetermining his communication with society, the strategy of his creative behavior and effectiveness of his actions. Creative individuality of the author, his interests, tastes and preferences, as well as individual psychology also play a significant role. In the process of study of the public work and creative writing of an outstanding Udmurt author and educator of the 20th century Kuzubai Gerd who suffered from political repressions in 1930s, the authors of the article came to a conclusion that the controversial social and historical environment in which Kuzubai Gerd had to live and work, together with a complicated nature of his ethnic and cultural self-identification process led to a tragic development in his literary career and personal life. The controversial historical and political events induced crisis processes in the world view and behavior of the poet. The tragic note in Kuzubai Gerd's poetry predetermined by the objective cultural and historical circumstances was further aggravated by a personal drama of the poet rooted in his individuality and the ethnic psychological type.

Key words: *identity, ethnic and cultural self-determination, Finno-Ugric community tragedy, personality, repression*

REFERENCES

- Ar-Sergi V. Available at: <http://litluch.ru/avtoryi/ar-sergi-vyacheslav/a-vyi-i-ne-sprashivali/> (accessed April 18 2014). (in Russ.).
- Efimishch N. M. *Finno-ugorskiy mir* (Finno-Ugric World), 2013, № 1, pp. 106–114. (in Russ.).
- Ermakov F. *Tvorcheskie svyazi udmurtskoy literatury* [Creative communications Udmurt literature]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1981, 196 p. (in Russ.).
- Gerd K. Available at: http://shklyaeв.ru/public/gerd_udmurtart.htm (accessed April 18 2014). (in Russ.).
- Gerd K. «*V polete k solntsu...*»: *Stikhi i poemy* [“During the flight to the sun...”: verses and poems]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1989, 240 p. (in Russ.).
- Gerd K. *O ney ya pesn poyu...: stikhi i poemy, stati i nauchnye raboty, pisma* [About her song I sing...: the poems, articles and research papers, letters]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1997, 336 p. (in Russ.).
- Gudkov L. *Negativnaya identichnost: stati 1997–2002 gg.* [Negative identity: articles, 1997–2002]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie «VTsIOM-A» Publ., 2004, 816 p. (in Russ.).
- Kak molniya v nochi... K. Gerd. Zhizn. Tvorchestvo. Epokha* [Like lightning in the night... K. Gerd. Life. Creativity. Era]. Izhevsk: Izdatelstvo udmurtskogo universiteta Publ., 1998, 751 p. (in Russ.).
- Kuzubay Gerd.* Available at: <http://naydem-vam.ru/viewtopic.php?id=1484> (accessed April 18 2014). (in Russ.).
- Kuznetsov N. S. *Iz mraka...* [Out of the darkness...]. Izhevsk: Izdatelstvo udmurtskogo universiteta Publ., 1994, 496 p. (in Russ.).
- Shklyaeв A., Toulouze E. *Nationalities Papers*, 2001, Vol. 29, № 1, pp. 97–108. (in English).

²⁰ Цит. по: Там же. С. 13.

К статье И. Е. Васильева, А. В. Камитовой

Кузедбай Герд, студент Высшего литературно-художественного института им. В. Я. Брюсова.
Москва, 1925 г.

Научно-отраслевой архив УИИЯЛ УрО РАН. Оп. 1ФД. Д. 2356

Памятник Кузедбаю Герду. Скульптор А. Аникин. Ижевск, 2005 г.